

К. Попов

**Воспоминания кавказского
гренадера. 1914-1920**

1914-1920

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К. Попов
К11 Воспоминания кавказского гренадера. 1914-1920: 1914-1920 / К. Попов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 282 с.

ISBN 978-5-458-46208-2

Воспоминания кавказского гренадера. 1914-1920 Книга воспоминаний российского офицера, георгиевского кавалера, капитана Константина Сергеевича Попова (1893-1962), участника Первой мировой и гражданской войны. К.С. Попов, активный участник белого движения, воевал в составе Добровольческой армии. Тяжело заболев, он был эвакуирован на Кипр в 1920 г., затем переехал в Белград, а все последующие годы прожил во Франции. За рубежом издал книги "Гг. Офицеры" (Париж, 1929) и "Храм Славы" (Париж, 1931); "История лейб-гвардии Эриванского полка". Автор являлся членом Зарубежного Союза русских военных инвалидов и Объединения 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка. Представленные воспоминания возвращают нас к трагическим страницам русской истории, к судьбам офицеров, для которых были священны понятия Родины и чувство долга.

ISBN 978-5-458-46208-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МОБИЛИЗАЦІЯ И ВЫСТУПЛЕНІЕ ПОЛКА НА ТЕАТРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Объявленіе мобилизаціи застало меня на границѣ съ Персіей. Въ то время я былъ младшимъ офицеромъ команды развѣдчиковъ нашего полка, приданной въ помощь Бакинскоіи бригадѣ Пограничной стражи и находился на посту Эшакчи Ленкоранскаго уѣзда. Команда состояла изъ 64 гренадеръ при двухъ офицерахъ, однимъ изъ коихъ былъ я, другимъ — мой начальникъ Штабсъ-Капитанъ Сабель. На посту мы были не одни. Кромѣ насъ здѣсь находилось такое же, приблизительно, количество солдатъ пограничниковъ при одномъ офицерѣ Ротмистрѣ Пацевичѣ и семья доктора Бочкова, жившая при маленькомъ госпиталѣ, находившемся тутъ же на посту. Служба наша текла однообразно изо дня въ день и заключалась въ выставленіи постовъ днемъ и секретовъ ночью. Случались ночныя тревоги и небольшія перестрѣлки съ мѣстными контрабандистами и разбойниками, но они мало вносили разнообразія въ нашу жизнь. Большимъ развлеченіемъ для меня и моего начальника служила прекрасная охота на дикихъ кабановъ и козъ, которыхъ въ этихъ краяхъ было очень много и за которыми мы съ Капитаномъ Сабелемъ по очереди охотились, такъ какъ одинъ изъ насъ въ любой моментъ долженъ былъ находиться на посту на случай тревоги. Связь съ внѣшнимъ міромъ поддерживалась при помощи почты, приходившей разъ въ недѣлю, а вмѣстѣ съ нею и газетъ. Газетъ мы выписывали двѣ: традиціонный „Тифлисскій Листокъ“ и популярную Московскую газету „Русское Слово“. Въ памятный день 17-го Іюля 1914 года часовъ въ 6 вечера, къ намъ въ каморку, гдѣ жилъ я съ начальникомъ команды, вбѣжалъ Ротмистръ П. и съ большимъ подѣ-

емомъ объявилъ, что получена телефограмма о всеобщей мобилизаціи въ Россіи, что будетъ война съ Австріей и одновременно со всѣмъ Тройственнымъ Союзомъ. Въ это время изъ газетъ намъ было извѣстно только о „Сараевскомъ убійствѣ“, а потому такая развязка „Сараевского узла“ явилась полнымъ сюрпризомъ. Такъ или иначе нужно было готовиться къ немедленному выступленію на присоединеніе къ родному полку въ ур. Манглись, ибо существовало положеніе, по которому всѣ командированные отъ полка команды и отдѣльные чины, по общей мобилизаціи подлежали возвращенію въ свои части. Отлично помню свое приподнятое радостное настроеніе въ этотъ день. Война не казалась тогда чѣмъ то ужаснымъ, воображеніе рисовало скорѣй праздничныя картины. На первомъ планѣ, заслоняя все остальное, стоялъ полкъ и первой мыслью было желаніе вплести въ его сѣдые лавры, — свѣжіе благоухающіе.

Будучи военнымъ по призванію, я свято чтить героизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ, а въ дѣлѣ огражденія дорогой Родины отъ грозившей опасности, считалъ за счастье одну только возможность быть въ рядахъ ея защитниковъ. Много различныхъ мыслей и чувствъ волновало меня въ этотъ день и всю ночь, и конечно, заснуть я не могъ. Гренадеры встрѣтили вѣсть о мобилизаціи и о возможности войны довольно равнодушно, но потомъ, какъ будто очнувшись, стали готовиться къ походу. Это выразилось у нихъ въ разбиваніи своихъ сундуковъ, въ сжиганіи и разбрасываніи казавшихся имъ ненужныхъ вещей. Утромъ, чуть свѣтъ, все готово было къ выступленію. Капитанъ Сабель поручилъ мнѣ вести команду въ село Пришибъ (переходъ 40 верстъ), а самъ обѣщалъ догнать по дорогѣ, такъ какъ ему предстояло расчитаться съ персами подрядчиками. Стояла нестерпимая жара. Мы шли нервно и быстро. Команда, состоявшая изъ сильныхъ молодцеватыхъ grenадеръ, хорошо втянутыхъ въ ходьбу, справи-

лась съ первымъ, довольно труднымъ, переходомъ очень быстро. Въ четыре перехода мы были въ Ленкорани, гдѣ должны были погрузиться на пароходъ для слѣдованія моремъ на Баку. Въ Пришибѣ 19 Іюля 1914 г. была получена телеграмма: „Германія объявила намъ войну. Сухомлиновъ. Теперь сомнѣній быть не могло — война началась. Гдѣ то далеко на западѣ, уже быть можетъ льется кровь, гремятъ первые выстрѣлы и витязи русской земли стали на защиту своей Матери-Родины. Мысль одна — скорѣй туда. На станціи Баладжары встрѣчаемъ эшелонъ своихъ „кунаковъ“ — Нижегородскихъ драгунъ. Съ ними хоръ трубачей. Гремитъ нашъ полковой маршъ. Нижегородцы привѣтствуютъ представителей Эриванцевъ. Совмѣстный товарищескій обѣдъ на вокзалѣ. Гости, пожеланія. Трогаемся дальше, въ Елизаветполъ грузятся стрѣлки 3-го полка. Вотъ мы въ Тифлисъ. По улицамъ идутъ манифестанты, настроеніе бодрое — всюду агитация. Проходимъ Тифлисъ вечеромъ и выходимъ на Коджорское шоссе. Красивъ Тифлисъ въ теплую лѣтнюю ночь съ Коджорскаго шоссе у ботаническаго сада. Онъ горитъ милліонами огней и являетъ собой какъ бы отраженіе звѣзднаго неба въ прозрачной водѣ горнаго озера. Идемъ всю ночь. Подъ утро достигаемъ станціи Пріютъ, что въ 40 верстахъ отъ Тифлиса. Правда, зная въ горахъ каждую тропинку, мы идемъ сокращенной дорогой — благо съ нами нѣтъ обоза. Къ 10 часамъ мы уже въ Штабъ-Квартирѣ, нашемъ дорогомъ Манглисѣ, гдѣ полкъ стоитъ уже 100 лѣтъ, откуда неоднократно уходилъ на войны и гдѣ воспиталь не одно поколѣніе героевъ. Насъ встрѣчаютъ — мы среди своихъ. Я попалъ въ объятія своего брата — гимназиста шестого класса, гостившаго у меня въ Манглисѣ.

Полкъ мобилизовался. Большинство офицеровъ было въ развѣздѣ, кто за лошадьми, кто вель парти укомплектованій, кто получалъ снаряженіе — работа кипѣла.

По мобилизаціонному плану нашъ полкъ выдѣлялъ изъ себя кадръ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для запаснаго полка. Запасный полкъ долженъ былъ остаться на нашемъ пепелищѣ и доформировываться, а мы ждали со дня на день приказа о выступленіи. Съ утра до вечера шли занятія съ запасными. Производились тактическія ученія и стрѣльбы ротами боевого состава. Тотчасъ по прибытіи, команда развѣдчиковъ была распущена по ротамъ, а я получилъ назначеніе, въ новую для меня, 9 роту къ Капитану князю Геловани. Князь Геловани, участникъ Японской войны, обладалъ большими достоинствами, какъ боевой офицеръ и товарищъ, но не пользовался почему то благоволеніемъ начальства въ мирное время.

Кромѣ меня въ ротѣ было еще два офицера: мой сверстникъ по выпуску Подпоручикъ Долженковъ и прибывшій по мобилизаціи Прапорщикъ запаса Гаврюшко; оба прекрасные офицеры и товарищи. Качественный составъ роты, какъ и всего полка, былъ средній, ибо полученныя пополненія изъ мѣстныхъ туземцевъ оставляли желать лучшаго и сильно понизили общій боевой коэффициентъ полка. Кромѣ того долженъ признать, что многія важныя отрасли боевой подготовки у насъ хромали.

Пулеметная команда оказалась въ рукахъ у недостаточно самоотверженнаго офицера — Шт.-Кап. Ж. который къ счастью для полка былъ въ первомъ же бою раненъ весьма легко, эвакуировался и попалъ шибко затѣмъ метеоромъ, какъ то во время стоянки на Бзурѣ на нѣсколько дней — удалился въ спокойный тылъ. Пулеметы наши въ первыхъ бояхъ, можно сказать, не принимали активнаго участія, между тѣмъ какъ въ первые же дни войны въ нашемъ 2-мъ Кавказскомъ арм. корпусѣ выдѣлились своей работой команды Мингрельцевъ и Стрѣлковъ, особенно 2-го Кавказскаго стрѣлковаго полка, свидѣтелемъ работы которыхъ я былъ въ октябрьскихъ бояхъ 14 года въ лѣсу подъ Бакаларжево. Команда связи, „висѣв-

шая все время на носу* въ походѣ, въ первые дни боевъ совершенно отсутствовала и приходилось прибѣгать къ очень неудобнымъ способамъ передачи донесеній — людьми. Самоокапываніе тоже было поставлено неудовлетворительно, а разница въ поставкѣ дѣла у насъ и у стрѣлковъ особенно бросилась въ глаза, и не въ нашу пользу, когда я съ Капитаномъ Пильбергомъ побывалъ въ окопахъ 2 го Кавк. стр. полка въ лѣсу подъ Бакаларжево. Благодаря только что изложеннымъ причинамъ намъ пришлось учиться тому, чему мы недоучились въ мирное время, уже подъ огнемъ и жестоко за все платиться. Война воочию показала, что въ Русской Императорской арміи не было плохихъ полковъ. Были плохіе и хорошіе командиры, а полки ими командуемые носили на себѣ отпечатки индивидуальныхъ качествъ своихъ командировъ. Нашъ блестящій и старѣйшій полкъ Русской арміи, былъ въ этомъ отношеніи весьма несчастливъ въ первые мѣсяцы войны. Полкомъ командовалъ Флигель-Адъютантъ Полковникъ Мдивани весьма картинная и импозантная фигура блиставшая на всѣхъ парадахъ. Хотѣлось вѣрить, что подъ водительствомъ Полк. Мдивани, полкъ будетъ совершать сказочныя дѣла. Къ сожалѣнію мечты не сбылись. Въ первыхъ бояхъ, когда у нашего командира въ рукахъ находился такой исключительной цѣнности боевой матеріалъ какъ кадровый полкъ, — успѣхи наши были ничтожны. Причину неудачъ многіе видѣли въ слабости его характера и неумѣніи разбираться въ людяхъ.

Дѣйствительно, наши баталіонные командиры, за исключеніемъ одного, были совсѣмъ небоеспособны и послѣ перваго же боя испарились изъ полка на все время войны не будучи ранеными. Къ счастью составъ ротныхъ командировъ, въ большинствѣ, былъ прекрасный и „баталіоннымъ“ нашлись достойные замѣстители. Неудивительно, что въ первомъ же бою мы потерпѣли довольно крупную неудачу. 15 Августа 1914 г. стало извѣстно, что нашъ 2-й

Кавк. арм. корпусъ въ составъ: Кавказской гренад. дивизіи, 51-й пѣх. дивизіи и 1-й бригады Кавказскихъ стрѣлковъ, съ ихъ артиллеріей и техническими частями перебрасывается на Западный фронтъ. И вотъ отданъ приказъ: „полку построиться на церковномъ плацу въ 7 часовъ вечера... для прощанія со знаменами“. Нельзя забыть этого вечера какъ и многія минуты въ дальнѣйшемъ врѣзавшіяся въ память. Молебень носилъ мрачный характеръ. У всѣхъ напряженное настроеніе. Молитвы и слезы, явныя и затаенныя читались на каждомъ лицѣ. Мрачно колыхались сѣдя знамена — свидѣтели былой славы полка. Какъ то особенно заунывно служилъ полковой священникъ, и ему вторили хоръ и эхо горъ. Было совсѣмъ темно, когда церемонія прощанія со знаменами кончилась и роты стали расходиться. На утро было назначено выступленіе по баталіонно. Проводы на войну въ 14 году, даже для меня, показались сильной и тяжелой картиной. А я уходилъ не оставляя ничего позади: ни жены ни дѣтей, ни нѣжной привязанности, если не считать двухъ лицъ мнѣ близкихъ и родныхъ — младшаго брата и старухи бабушки. Все же несмотря на это, мое сердце навѣрное сократилось до минимума въ своемъ объемѣ, когда была подана команда „Шагомъ маршъ“. Но чѣмъ дальше мы уходили, тѣмъ спокойнѣе становилось на душѣ и на первомъ привалѣ все было забыто. Начиналась новая жизнь — подобная лоттерей, гдѣ предметомъ розыгрыша служила сама жизнь. На станціи Пріютъ насъ поджидали представители мѣстныхъ жителей. По кавказскому обычаю появился шашлыкъ, филе, и невыпиваемое количество единственнаго и несравненнаго „кахетинскаго“. На другой день въ полдень жигели Тифлиса могли видѣть какъ мы спускались съ горъ, обходя городъ. Пройдя по захолустнымъ улицамъ безъ всякой помпы и шума мы вышли въ Навтлугъ, гдѣ сосредоточивалась вся Гренадерская дивизія. Нашъ Корпусъ былъ ввѣренъ извѣстному Генераль-Адъютанту Миценко — герою

Японской войны, получившему назначеніе въ моментъ отправленія Корпуса на театръ военныхъ дѣйствій. Эшелонъ грузился за эшелономъ. Наконецъ наступила очередь и моего третьяго баталіона. 18 Августа мы тронулись въ путь. Нашъ третій баталіонъ шелъ въ составѣ 15 офицеровъ и около 900 гренадеръ, Командовалъ баталіономъ Подполковникъ Р. До войны онъ считался выдающимся офицеромъ-знаткомъ стрѣлковаго дѣла. Но какъ это ни странно, большинство офицеровъ, считавшихся въ мирное время выдающимися, не проявили себя таковыми во дни войны. Къ числу этой группы лицъ нужно отнести въ первую очередь нашего бывшего командира Подполковника Р. Еще въ дорогъ онъ зашилъ свою шашку въ защитный чехолъ (офицеры нашего полка имѣли шашки кавказскаго образца въ серебрянныхъ оправкахъ), а снаряженіе, т. е. всѣ ремни, футляръ бинокля, свистокъ и портупею выкрасилъ въ защитный цвѣтъ. Мало того, онъ приказалъ всѣмъ офицерамъ послѣдовать его примѣру. Таковыхъ нашлось только двое, такъ какъ остальные мотивировали свой отказъ выкраситься той простой причиной, что форма и цвѣтъ ремней снаряженія Высочайше утверждены и не подлежатъ перекраскѣ. Между собою офицеры подсмѣивались надъ примѣненіемъ „баталіонера“ къ мѣстности и выражали сожалѣніе, что онъ не выкрасилъ себѣ лицо и руки.

Путь отъ Навтлуга до Гродно мы совершили въ 12 дней. По пути слѣдованія, а особенно около Кіева, стали попадаться большія партіи плѣнныхъ австрійцевъ и эшелоны нашихъ раненыхъ изъ подъ Львова. Настроеніе у нашихъ было праздничное, всѣ были увѣрены въ побѣдѣ и даже скажу больше, наиболѣе ретивые изъ насъ боялись опоздать къ рѣшительному сраженію, такъ какъ всѣмъ хорошо было вдолблено нашими военными авторитетами, что современная война должна быть молніеносной и рѣшительной по своимъ результатамъ. Я лично слѣпо вѣрилъ этой теоріи и выступилъ на войну налегкѣ,

не запасшись абсолютно теплою одеждою и хорошею походною обувью столь важной для пѣхотинца. Послѣ перваго же боя съ иѣмцами я отказался отъ многихъ кабинетныхъ истинъ, преподававшихся намъ въ военныхъ училищахъ, въ томъ числѣ и отъ теоріи молніеносности современныхъ войнъ. Въ дорогѣ разговоры вертѣлись преимущественно на темахъ: кто изъ насъ будетъ счастливицею и будетъ свидѣтелемъ побѣдоноснаго окончанія войны, или кто изъ старыхъ офицеровъ уже побывавшихъ на войнѣ долженъ будетъ, по теоріи вѣроятности, отличиться и въ эту войну. Насколько помню, мнѣнія единогласно сходились на томъ, что самымъ боевымъ окажется командиръ 7-й роты Князь N., имѣвшій Владимира за Японскую кампанію и уже теперь побѣдоносно заломившій папаху. Мнѣ кажется, лучшимъ отвѣтомъ на мучившій насъ въ то время вопросъ о боеспособности Капитана Князя N послужить полное умолчаніе о его имени на всемъ протяженіи моихъ боевыхъ воспоминаній.

Много говорилось о будущихъ георгіевскихъ кавалерахъ и т. п. Я молчалъ, глубоко затаивъ мысль во что бы то ни стало получить хотя бы Анну 4-й ст. въ первомъ же бою, ибо на большее количество боевъ рассчитывать не приходилось, такъ какъ по моимъ выкладкамъ война должна была кончиться въ Берлинѣ примѣрно черезъ два мѣсяца. Я даже нѣсколько разъ прикладывалъ масштабную линейку, измѣряя разстояніе до Берлина, и пытался перевести его на количество переходовъ.

Какимъ все это кажется теперь смѣшнымъ и далекимъ. Составъ молодыхъ офицеровъ полка у насъ былъ хорошій и дружный, особенно дружба наша всегда подчеркивалась за стаканомъ добраго кахетинскаго вина, запасъ котораго сейчасъ въ вагонѣ, „значительно“ превышаетъ количество офицеровъ въ баталіонѣ. Время летѣло незамѣтно. По дорогѣ встрѣчались эшелоны другихъ частей. Съ ними тотчасъ устанавливалась связь. Обыкновенно все офицерство

перекочевывало къ намъ и мы привѣтствовали другъ друга какъ могли. Тепло становилось въ эти минуты на душѣ и невольно какъ то чувствовалась мощь русскаго духа, и въ тѣ моменты мы горды были сознаниемъ, что мы русскіе.

Долго насъ везли въ невѣдѣніи относительно мѣста высадки, наконецъ заговорили, что насъ высаждать въ Августовѣ. Немедленно были развернуты карты и отысканъ Августовъ на каналѣ того же имени, кругомъ значились лѣса и озера. Все остальное было по прежнему непроницаемо.

НАЧАЛО БОЕВЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

1914 годъ.

Наконецъ 1 Сентября въ 4 часа дня мы прибыли въ Гродно, гдѣ узнали, что 1-й и 2-й баталіоны уже высажены и ушли на форты. Накрапывалъ мелкій дождь — баталіонъ разгружался. Деньщики складывали гинтера и выносили ихъ на двуколки. Прощай вагонный уютъ и тепло — подумалъ я. Гренадерамъ былъ розданъ обѣдъ и мы двинулись черезъ городъ на форты.

Шли мы очень долго — стало совсѣмъ темно. Дождь не прекращался. По дорогѣ на форты намъ пересѣкли дорогу Кавказскіе стрѣлки. У стрѣлковъ сорвалась съ моста какая то двуколка и придавила стрѣлка. Части остановились. Изъ темноты неслись крики: „Какая часть“. „Куда ты прешь — не видишь — офицеръ“. „Землякъ! А землякъ!“ вопрошали голоса. „Нѣтъ ли средь васъ саратовскихъ? а вы откелева будете? — мы съ Кавказу. И мы тожъ“. „Носилки давайте сюда!“ кричали голоса изъ подъ моста и слышались жалобные стоны придавленнаго. А все вмѣстѣ взятое покрывала трехэтажная басовая ругань.

Часамъ къ 9-ти добрались мы до мѣста распо-

женія нашего 2-го баталіона который сталъ бивакомъ на фортовомъ промежуткѣ. По близости расположились и мы. У насъ въ баталіонѣ не въ примѣръ другимъ запрещено было курить хотя противникъ находился гдѣ то за 50 верстъ. Безъ всякаго комфорта спалъ я эту ночь вмѣстѣ съ Подпоручикомъ Долженковымъ на чердакѣ въ кучѣ соломы, но мысленно благодарилъ судьбу и за это, ибо нисколько не преуменьшалъ могущихъ выпасть на нашу долю испытаній.

На утро дождь пересталъ и насъ повели углублять уже протрассированные окопы. Этимъ дѣломъ мы занимались два или три дня и я вложилъ въ дѣло укрѣпленія позиціи всѣ свои фортификаторскія способности.

За эти дни ничего особеннаго не случилось, если не считать того, что мнѣ здорово влетѣло отъ командира баталіона за то, что я снялъ съ себя во время работъ шашку. Въ результатъ онъ пригрозилъ отдать меня подъ судъ. Я не на шутку былъ смущенъ, а вдругъ правда отдастъ. Рѣшилъ твердо носить установленную форму, чтобы не было повода лишній разъ получить замѣчаніе. Когда нашъ Корпусъ весь подтянулся, мы тронулись. Не пройдя и 2-хъ верстъ, мы подошли къ 14-му гренадерскому Грузинскому полку, стоявшему на Сапоцкинскомъ шоссе. „Ура славнымъ Эриванцамъ!“ — крикнулъ Командиръ Грузинцевъ — Полковникъ Кальницкій и ура, подхваченное семью тысячами голосовъ, вдругъ пронеслось громовымъ раскатомъ. Тутъ же рѣшено было выслать походныя заставы. Моя 9-я рота попала въ лѣвый боковой отрядъ, а мой взводъ въ лѣвую боковую заставу. Вскорѣ можно было видѣть полную схему походнаго охраненія, двинувшуюся въ сторону Сапоцкина. Я бодро шагаль по пахоти, временами переводя духъ, такъ какъ трудно было поспѣвать за главными силами, идущими по ровному шоссе. Противникъ нигдѣ не показывался, не взирая на всѣ усилія его отыскать.